

полятора. Несущественнымъ для меня является и вопросъ, исландскому-ли редактору принадлежитъ прологъ къ сагѢ (Mogk, Boer), или онъ древнѣе (Bertelsen, Jonsson). По словамъ этого пролога задачей собирателя было рассказать одну изъ великихъ сагъ, существующихъ на нѣмецкомъ языкѣ, о Тидрекѣ и его витязяхъ, «о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, Нифлунгахъ, Вильтинахъ, Русскихъ, Гуннахъ и многихъ другихъ конунгахъ и витязяхъ». Сѣверные люди (датчане, шведы, норвежцы) собрали многія изъ этихъ преданій, иныя переложили въ пѣсни, которыми потѣшаютъ еще старыхъ людей: «о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, о Вельсунгахъ и Нифлунгахъ и ковачѣ Велентѣ и его братѣ Эгилѣ и королѣ Нидунгѣ»; при множествѣ пересказовъ нечего удивляться, что они порой разногласятъ въ цитатахъ и событіяхъ, но содержаніе ихъ почти одно и то же. А эта сага составлена по рассказамъ нѣмецкихъ людей, и частью по ихъ пѣснямъ, которыя давно были сложены, тотчасъ послѣ событій, какъ говорится въ этой сагѣ. И если взять по человѣку отъ всѣхъ городовъ Саксоніи, всѣ стануть сказывать ее на тотъ-же ладъ; тому причиной ихъ древнія пѣсни. Послѣдняя замѣтка повторена, и съ тѣмъ-же объясненіемъ, въ 394-й главѣ саги: нѣмецкіе люди, на которыхъ ссылается составитель саги, были родомъ изъ Соэста, Бремена и Мюнстера, и сами видѣли въ Соэстѣ тѣ мѣстности и сооруженія, къ которымъ привязалось преданіе о гибели Нифлунговъ. Всѣ эти сказанія собираются въ нашей сагѣ вокругъ центральной фигуры Тидрека; «было въ то время (Тидрека) много и другихъ конунговъ, продолжаетъ прологъ, но эта сага говоритъ болѣе всего о немъ и его витязяхъ».

Согласно съ этимъ рассказъ начинается съ его предковъ и кончается легендой о его таинственномъ исчезновеніи; въ этихъ рамкахъ развертывается передъ нами въ своеобразной, порой механической компиляціи, матеріалъ нѣмецкаго эпоса. Послѣдній могъ быть знакомъ автору и не въ тѣхъ версіяхъ, которыя дошли до насъ, но не этимъ однимъ объясняются порой отличія его пересказа, а и приемами составителя, которому приходилось